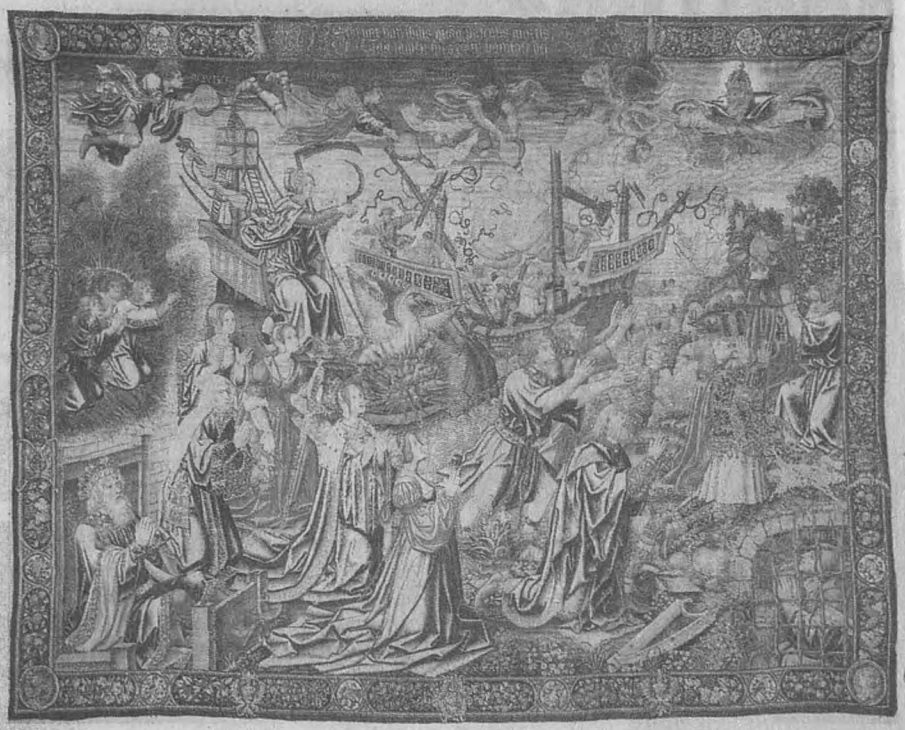
Шито не белыми нитками

Новые известия. – 2006. – 8 дек. – с. 5.

В Пушкинском музее показали многометровые картины-ковры

Сергей Соловьев

Выставка «Западноевропейская шпалера XVI–XX веков», открывшаяся в Музее имени Пушкина, могла бы остаться событием местного масштаба и экспозицией на любителя: просто достали из запасников шпалеры – настенные ковры разных эпох. Однако на почетном месте появилась авторская шпалера Гриши Брускина, современного художника мирового масштаба, и вся затея поднялась на новый уровень.



Средневековые шпалеры поражают и красотой, и размахом.

Искусство шпалеры, как известно, уходит корнями в средние века: рыцарские замки украшались, а заодно и утеплялись безворсовыми коврами с изображением сцен из жизни единорогов, непорочных дев и других райских обитателей. В отличие от восточных ковров, где не допускались какие-либо человеческие фигуры, западные шпалеры переполнены персонажами из античных мифов, средневековых преданий или просто занятными героями (нимфами, пастушками с пастухами). Удивительно при этом, как материал диктовал условия игры: текстиль, текстура нитей создавали не столько картины, сколько тексты – каждый ковер можно читать словно книгу.

Шпалера всегда поражала своей словоохотливостью. Один из шедевров на выставке – масштабный ковер «Триумф Надежды» 1525 года, созданный в Брюсселе. Вокруг гибнущего корабля столпилось немалое число святых дев и мужей, которые взывают к спасению. Надежды особенно пригодятся человеку, изображенному в левой нижней части ковра (судя по всему, это Даниил): мало того, что он брошен в подземелье за решетку, на него с недоверием поглядывают два дородных льва. Так вся шпалера становится большой иллюстрацией одного девиза, а все действующие лица – аллегориями, раскрывающими разные грани простой мысли, выведенной на верхнем поле: «Хоть и вторгается ужасное присутствие смерти, однако крепка надежда на милость Божию».

Еще одно отличие шпалеры от картины – в ее сценической эффектности. Не случайно самый расцвет коврового искусства в Европе приходится на театральный XVII век. Нередко продукция шпалерных мастерских Фландрии или Франции использовалась в качестве театральных декораций или занавесов. Из знаменитой французской мануфактуры Гобеленов (Гобелены прославились настолько, что название «гобелен» стало применяться к любому картинному ковру) вышла, например, шикарная шпалера «Психея, или Сила любви». Девица Психея, страдающая женским любопытством, обнаруживает, кем был ее страстный любовник, приходивший к ней под покровом ночи: им оказался далеко не младенец (хотя и с крыльями) Амур. Вся сцена смотрится как представление в будуаре галантного и развратного XVIII века.

Все эти приятные для взгляда, но излишне декоративные вещицы, мимо которых обычно проходишь в том же Эрмитаже или в другом европейском музее, в Пушкинском любовно развешены там, где обычно помещаются самые престижные картины. И все они, по большому счету, становятся прелюдией к 11-метровому ковру Гриши Брускина, висящему на самом почетном месте в окружении других шпалер XX века. Он носит название «Алефбет» («алфавит» на иврите) и насчитывает 160 фигур с разными атрибутами – с молнией, с ангелом, слоновьим хоботом или совсем уж необычайными знаками. Подробное объяснение каждого из знаков прилагается в отдельном комментарии, созданном самим художником.

Гриша Брускин ворвался на артистический олимп в середине 1980-х, произведя настоящий фурор на арт-рынке: его инсталляция «Фундаментальный лексикон» была продана на аукционе «Сотбис» за 450 тысяч долларов – небывалая цена для современного русского художника. Сегодня Брускин – гражданин мира, устраивающий ретроспективы в солидных галереях Европы, музейный любимец, пишущий книги и отстаивающий свою принадлежность к русско-еврейской культуре. Его последняя работа, по признанию автора, – этапное произведение: в форме ковра он зашифровал свое понимание мира как текста, а каждый из изображенных персонажей – это фигура-аллегория, отсылающая к знакам и символам, связанным с еврейской талмудической традицией. На самом деле «Алефбета» вполне хватило бы на отдельную галерейную экспозицию. Это могло бы произвести даже больший эффект, чем его рассмотрение в ряду исторических шпалер. Но в том масштаб и статус бывших наших, а ныне западных звезд – в желании вписаться в музейные ценности. Потому как других достойных арт-ценностей у нас пока не создано.